

УДК 94, 94(4)

Хлевов Александр Алексеевич, доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры документоведения и архивоведения, проф. кафедры культурологии Таврической академии КФУ имени В. И. Вернадского

e-mail: hlevov@mail.ru

К 110-летию создания Антанты

УРОКИ ОСТРОВА БЬЁРКЕ И МЫСЛИ ПО ПОВОДУ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ «ШЛЕЙФ»
ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО КУРЬЁЗА

Аннотация. Первая Мировая война должна рассматриваться как война коалиций и альянсов. История их формирования весьма драматична и имеет долгую предысторию. Договор между Николаем II и Вильгельмом II, подписанный в Бьёрке летом 1905 года, стал важным этапом в формировании как Антанты, так и Тройственного союза. Однако его роль в истории явно недооценена. В статье предлагаются возможные интерпретации намерений договаривающихся сторон, прослеживаются аналогии с современной международной ситуацией. Предлагаются к рассмотрению существенные побудительные мотивы, приведшие двух монархов к заключению этого соглашения и высказываются мысли о возможных альтернативных вариантах развития исторической ситуации.

Ключевые слова: Бьёркский договор, Первая мировая война, Антанта, дипломатия.

Khlevov A. A., Ph.D., prof. Department of Records Management and Archival,
TA CFU

LESSONS OF BJÖRKÖ ISLAND AND THOUGHTS: HISTORICAL AND HISTORIOGRAPHICAL "TAIL" OF THE DIPLOMATIC CURIOSITY

The First World War must be seen as a war of coalitions and alliances. Their history is very dramatic and has a long "prehistory". Agreement between Nicholas II and Wilhelm II, signed in Björke in summer of 1905, was an important step in the formation of both the "Entente" and the "Triple Alliance". However, its role in history is clearly undervalued. The paper suggests possible interpretations intentions of the contracting parties, the analogy with the current international situation. Offered for consideration essential motives that led to the conclusion of the two monarchs of the agreement and expressed the thought of the possible alternatives of the historical situation.

Keywords: Björkö Treaty, First World War, Entente, diplomacy.

Предыстория Первой мировой войны, безусловно, не менее интересна и поучительна, чем её история. Конфликт такого размаха и масштаба был, по сути, выношен всей европейской историей нового времени, стал её завершающим актом и отразил основные противоречия, большинство из которых имели концептуальный характер и многовековую историю. Однако ключевые события, обусловившие расстановку сил, конфигурацию альянсов, предметные области противоречий, происходили в последние предвоенные десятилетия.

Первая Мировая была не только и не столько войной государств и армий, сколько блоковым противостоянием. Её анализ немыслим без учёта того, что противоборствующими сторонами являлись не национальные государства и даже не многонациональные империи, а именно коалиции, внутри которых, между союзниками, взаимных претензий и нерешённых проблем порой было не меньше, чем между противниками. Не менее примечательно, что конфигурация

этих коалиций на протяжении предвоенных десятилетий была весьма изменчива. В результате как Антанта, так и блок центральных держав в известном смысле оставались до последнего момента относительно виртуальными союзами, да и в ходе войны часто обнаруживали раздиравшие их внутренние противоречия. Предвоенная эпоха – и в историческом, и в культурологическом аспектах – может быть рассмотрена нами, в том числе, и как высшая точка развития европейской монархической традиции, период наивысшей зависимости масс от волеизъявлений максимально суженного круга правящих элит. И одними из наиболее важных в создании окончательной конфигурации обоих противоборствующих лагерей послужили события 1904-1907 гг. Нет сомнения, что они стали едва ли не самым драматичным этапом в определении того, кто с кем будет воевать спустя несколько лет.

В этом событийном ряду встреча российского и германского императоров на яхтах близ острова Бьёрке летом 1905 г. занимает пусть не особое, но вполне достойное место. Впрочем, внешняя камерность этого исторического эпизода не должна вводить нас в заблуждение: вопросы, поставленные на этой встрече, равно как и её последствия, имели определяющее значение не только для российско-германских отношений, но и для судеб всего собиравшегося воевать человечества. Феномен бьёркского рандеву в том, что оно с полным основанием может быть представлено как та самая «точка невозврата», являющаяся ключевым пунктом в кардинальном изменении отношений между великими державами, тот самый момент, начиная с коего «примирение невозможно» и дуэлянты начинают своё движение к барьеру – со всеми вытекающими отсюда последствиями. И в этом смысле ни сама встреча, ни переговоры, ни так и не ратифицированный (и не вступивший, следовательно, в силу) договор между двумя императорами в буквальном смысле не могут быть переоценены. Несмотря на свою кажущуюся «тупиковость», этот документ выступает чрезвычайно важным индикатором ориентаций и намерений сторон, обнаруживает возможные векторы развития событий в это непростое время. Он, без всякого в том сомнения, нуждается как в более пристальной оценке в

контексте мировых событий соответствующего времени, так и в более широкой популяризации в рамках исторического и патриотического воспитания.

Впервые документ и сопровождающие его события стали предметом специального внимания и анализа в журнале «Красный архив» в 1924 г. [8, с. 5-49], а в 1928 г. появилась небольшая брошюра Л. Фейгиной [Фейгина Л. Бьоркское соглашение. М., 1928 (приложен текст договора).], посвящённая встрече в Бьёрке. Справедливости ради стоит отметить, что, кроме единственного эмигрантского издания 1930-х гг. [19], непосредственно договору и его обстоятельствам не было посвящено ни одного специального исследования – вплоть до недавнего времени [13; 14].

В наиболее сжатом изложении события выглядят следующим образом. 6/19 июля 1905 г. император Николай II получил конфиденциальное сообщение от кайзера Вильгельма II, содержавшее предложение очередной личной встречи, и в ответ предложил место randevu – один из своих наиболее любимых уголков в Финском заливе, в Бьёркезунде, близ г. Бьёрке (Койвисто, ныне Приморск). Утром 10/23 июля, после обедни, император отбыл из Петергофа в Кронштадт, а оттуда на яхте «Полярная звезда» – на место встречи. Туда же полным ходом шла яхта Вильгельма «Гогенцоллерн». Хотя сама встреча назревала уже достаточно долго, несколько спонтанный характер её и определённый налёт таинственности были совершенно очевидны. Императрица и большая часть приближённых царя не были в курсе дел; по воспоминаниям же кайзеровских офицеров, вплоть до входа в Финский залив им ничего не было известно ни о целях плавания, ни о точке назначения.

Примерно с 22 часов и до 2 часов ночи на 11/24 июля монархи и их приближённые вкусили два «поздних обеда»: сперва на борту «Полярной звезды», а затем на яхте кайзера. На следующий день «Ники» и «Вилли» обменивались визитами, наблюдали артиллерийские учения на крейсере «Берлин», слушали музыку в исполнении оркестра, обедали, активно употребляли коньяк и т. д. Около 17 часов суда разошлись, а к 22 часам 11/24 июля 1905 г. император был уже в кругу семьи в Петергофе. «Аликс встретила

нас у морских ворот. Вернулся домой под самым лучшим впечатлением проведенных с Вильгельмом часов!» – записал царь в своём дневнике [3, с. 269].

За всеми этими событиями и был, внешне незаметно, подписан договор, ради которого кайзер «на всех парах» и устремился в бьёркские шхеры. Обстоятельства его подписания в чём-то вполне анекдотичны. Монархи, очевидно, выпили уже немало коньяка, когда Вильгельм, оставшись с Николаем наедине, извлёк заранее подготовленный текст договора и предложил подписать его. Находившийся в прекрасном расположении духа царь, почти не задумываясь, «подмахнул» бумагу после прочтения. В силу необходимости контрастисигнации документа сановниками значительного ранга, кайзер предусмотрительно захватил с собой графа Генриха Леонхарда фон Чиршки-унд-Бёгендорфа, министра иностранных дел Германии, позднее (с 1907 г.) ставшего послом Германии в Австро-Венгрии. Тот незамедлительно был вызван в каюту и также поставил свою подпись. Ввиду того что в царской свите не было никого, равного по рангу и по осведомленности этому чиновнику, был приглашён адмирал Бирилёв, морского министр России, который присутствовал на борту "Полярной Звезды" в качестве гостя. Старый моряк без колебаний приложил свою руку к документу, о содержании которого он не мог даже догадываться: в то время, когда адмирал Бирилев подписывал свое имя в конце страницы, верхнюю ее часть царь закрывал рукой. Когда впоследствии адмирал Бирилев был спрошен об этом графом Ламздорфом, он заявил, что если бы он оказался снова в том же положении, он сделал бы то же самое, считая своим долгом как морской офицер повиноваться беспрекословно своему государю» [2, с. 430; 4, с. 44].

Текст договора, краткий и весьма «телеграфный», многократно публиковался и, пожалуй, куда как более широко известен, чем обрамляющие его исторические факты, тем не менее, именно в силу краткости и принципиальной важности, его стоит привести здесь полностью:

«Их величества императоры всероссийский и германский, в целях обеспечения мира в Европе, установили нижеследующие статьи оборонительного союза:

СТАТЬЯ I

В случае, если одна из двух империй подвергнется нападению со стороны одной из европейских держав, союзница её придёт ей на помощь в Европе всеми своими сухопутными и морскими силами.

СТАТЬЯ II

Высокие договаривающиеся стороны обязуются не заключать отдельно мира ни с одним из общих противников.

СТАТЬЯ III

Настоящий договор войдет в силу тотчас по заключении мира между Россией и Японией и останется в силе до тех пор, пока не будет денонсирован за год вперед.

СТАТЬЯ IV

Император всероссийский, после вступления в силу этого договора, предпримет необходимые шаги к тому, чтобы ознакомить Францию с этим договором и побудить её присоединиться к нему в качестве союзницы.

ВИЛЬГЕЛЬМ

НИКОЛАЙ

ФОН ЧИРШКИ-БЁГЕНДОРФ

А.

БИРИЛЁВ».

Сам факт подписания договора и, разумеется, его содержание оставались достаточно долго неизвестными царскому окружению. Не вызывает сомнения, что Николай не стремился поскорее обнародовать текст договора хотя бы и в узком кругу, да и в целом полностью поддерживал в эти дни репутацию «милого, доброго человека» по словам А. Н. Бенуа. Показательны слова из дневника Николая II, относящиеся к 12 июля: «С утра жизнь вошла в обычную колею. Радостно было увидеть детей, но не министров» [3, с. 269].

Николай усмотрел в договоре прежде всего антианглийскую оборонительную направленность, приняв его, к тому же, как «руку помощи» от

Германии на фоне поражений на Дальнем Востоке и пылавшей революции. Учитывая откровенную и неизбывную враждебность Британии к России, самоочевидную и для всероссийского самодержца, договор не содержал в себе ничего предосудительного. «Вторым номером» в ряду очевидных и неизбежных противников России после Японии стояла Великобритания. Министры же усмотрели в Бьёркском соглашении в первую очередь отчётливую и очевидную антифранцузскую направленность, ставившую крест на выстраивавшихся десятилетиями связях с французскими союзниками. Не менее реальным был и крест на французских кредитах и инвестициях, в которых остро нуждалась российская экономика.

Император весьма быстро осознал безрассудность совершённого шага и в дальнейшем приложил максимум усилий к тому, чтобы «спустить на тормозах» все последствия заключённого соглашения. Не говоря уже о том, что не предпринималось попыток к ратификации договора на уровне Государственной Думы, Николай 13/26 ноября 1905 г. отправил личное послание Вильгельму, настаивая на редакции текста договора. В частности, требовалось оговорить в договоре неприменимость его 1-й статьи вплоть до исполнения всех условий пресловутой 4-й статьи – до заключения реально действующего и прочного русско-франко-германского союза. Что, в сущности, превращало существующий договор в фикцию декларативного свойства и полностью его обесценивало, делая невозможной ратификацию.

После неоднократных попыток воззвать к дружеским и даже родственным чувствам «кузена Ники», кайзер, очевидно, осознал тщетность усилий. Всё это происходило на фоне планомерно охлаждавшихся русско-германских отношений, постепенного примирения России с англичанами и всё более тесной дружбы с Францией – не оставшейся, кстати, в неведении относительно едва не заключённого тайного союза и серьёзно им встревоженной. В результате к осени 1907 г. Антанта, после заключения русско-английского соглашения, стала уже триединой реальностью. К этому же времени российско-германские отношения испортились окончательно.

Формирование блоков и союзов в Европе (а, следовательно, и в мире) фактически завершилось. Фигуры были расставлены на доске, и начало мировой войны стало вопросом времени и случая.

Договор, подписанный императором Николаем II и кайзером Вильгельмом II на борту яхты «Полярная звезда» 11/24 июля 1905 г., неоднократно упоминался в исторической, историко-дипломатической и учебно-исторической литературе, а также оказывался в поле зрения популяризаторов истории [5, с. 561-566, 575-577; 16, с. 11-15; 17, с. 472-484]. В существенно меньшей степени к нему проявляется интерес в контексте преподавания всеобщей и отечественной истории в средней и высшей школе. Роль Бьёркского соглашения в истории дипломатии, внешней политики России и Германии, европейской и мировой истории, как правило, оценивается не слишком высоко, и договор рассматривается как нечто проходное и малозначительное.

Между тем документ этот, без малейшего в том сомнения, должен быть отнесён к числу исключительно важных и вполне эпохальных межгосударственных дипломатических актов. Предпочтительнее видеть в нём обоюдную попытку двух монархов совершить, выражаясь языком современной дипломатии, «перезагрузку» отношений исторических соседей и давних союзников. Примечательно, что Бьёркский договор относительно активно изучался и упоминался в историографии межвоенного периода – как в советской, так и в зарубежной, включая историографию русской эмиграции [8, с. 5-49; 18, с. 435-528; 1, с. 300-308; 4, с. 29-61; 19, с. 204]. Однако примечательно, что аналитика практически исчезает после начала Второй мировой и Великой Отечественной войны, замещаясь в изданиях последующего периода констатацией и описанием фактов.

Очевидна также достаточно солидарная позиция абсолютного большинства публикаций, связывающая инициативу подготовки и подписания этого документа с Германией и лично кайзером Вильгельмом II. Вместе с тем, нуждается в более взвешенном анализе личная позиция Николая II и его роль в

возникновении договора, как и в целом его отношение к Германии соответствующего периода. В литературе уже обращалось внимание и на заинтересованность Николая II (и ряда лиц в его окружении) в серьёзном сближении с Германией в противовес Англии и отчасти Франции [12, с. 83, 86, 91-94], и на личную инициативу императора в составлении проекта подобного документа за несколько месяцев до того, а также на его важную роль в организации самой встречи в Бьёркских шхерах [7, с. 293].

Анализ контекста соглашения, предшествующей переписки императоров, мемуарной литературы показывает, что в реальной обстановке середины 1905 г., на фоне революционного движения и всего за несколько недель до этого разразившейся цусимской катастрофы на Дальнем Востоке (14-15/27-28 мая 1905 г.), поиски альтернативных внешнеполитических векторов были как никогда актуальны. Бьёркский договор оказался в эпицентре драматических событий Марокканского кризиса, а также очередного обострения отношений между европейскими державами в 1905-1907 гг. Как представляется, он является важным индикатором намерений, по крайней мере, двух ключевых участников мирового противостояния.

Столь же важным может оказаться учёт фактора технических нововведений в военной области этого периода – в частности, в сфере судостроения, «угольном вопросе». Европейские страны стояли на пороге фактически полного перевооружения своих флотов, с исключительной остротой вставал вопрос контроля за угольными станциями в Мировом океане. Гонка морских вооружений начиналась с нуля, и необходимо учесть, в какой степени высшее руководство двух империй, на основании имевшихся разведданных, отдавало себе в этом отчёт. Оба самодержца – не только германский – имели собственные виды на флоты открытого моря и присутствие в океанах, обе страны зависели от морских коммуникаций. Идея «антианглийской военно-морской сборной» в любой конфигурации и составе не только была актуальна, носилась в воздухе, но и являлась единственно возможной альтернативой британскому засилью на морях. При любом формате

этой сборной вопрос контроля и принадлежности угольных станций с началом войны становился решающим и для России, и для Германии. Показателен просительный и едва ли не заискивающий тон кайзера в письме к Николаю, относящемся ко времени, когда стала почти очевидна безнадёжность перспектив соглашения: «Мы подали друг другу руки и дали свои подписи перед богом... Что подписано, то подписано...» [5, с. 576].

Безусловно, как уже отмечалось выше, отдельного и пристального внимания заслуживает осмысление Бьёркского договора и несостоявшегося союза двух континентальных империй как исторической «точки невозврата», завершившей длительную эпоху достаточно близких и часто союзных отношений России и Центральных держав. Эпоху, которая уходит корнями в допетровские времена. В известном письме 1926 г. В. А. Сухомлинову бывший кайзер, а теперь уже просто Вильгельм Гогенцоллерн, писал: «...Он (договор – А. Х.), однако, не вступил в действие вследствие вмешательства русской дипломатии (Извольский, Сазонов), русских генералов, членов Думы и других деятелей. Мировая война, к которой они стремились, не оправдала их надежд, опрокинула все их планы, и царь, равно как и я, потерял престол. Ужасные последствия, которые навлекло на Россию её нападение на Германию, и все последующие события показывают, что оба государства найдут свое спасение в будущем, как и сто лет назад, лишь в тесном, взаимном единении и по восстановлении монархии в обеих странах» [6, с. 67]. Представляется, что современный период даёт как обильную пищу для переосмысления и соотнесения роли союзов с различными великими державами в контексте полезности или вредоносности таковых для России, так и для умозаключений о ценности тех или иных форм управления государством и, быть может, их осмысленной коррекции.

Литература:

1. Бюлов Б. Воспоминания. Перев. с нем. под ред. и с предисл. В. М. Хвостова. М.-Л. 1935. По изд.: Bülow, B. Denkwürdigkeiten. Hrsg. von F.

Stockhammern. Bd 2. Berlin. 1931. S. 136-151.

2. Витте С. Ю. Воспоминания. Л. : Государственное издательство, 1924.
3. Дневники императора Николая II. М.: Орбита, 1991.
4. Извольский А. П. Воспоминания. Перев. с англ. А. Сперанского. Пг.-М. 1924. Печ. по изд.: Iswolsky A. Recollections of a foreign minister (Memoirs of A. Iswolsky). Transl. by C. L. Seeger. Garden City - Toronto. 1921.
5. История дипломатии. М.: Госполитиздат. 1963. Т. 2.
6. Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз. М.: Мысль, 1978.
7. Ольденберг С. Царствование Императора Николая II. Белград: Издание общества распространения русской национальной и патриотической литературы, 1939.
8. Русско-германский договор 1905 г., заключённый в Бьёрке. М.: «Красный архив». 1924. Т. 5.
9. Сахаров А. Н., Боханов А. Н., Шестаков В. А. История России с древнейших времен до наших дней. Учебник. Под ред. члена-корреспондента РАН А. Н. Сахарова. Т. 2.
10. Такман Б. Августовские пушки. М.: Молодая гвардия, 1972.
11. Такман Барбара. Первый Блицкриг. Август 1914. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999.
12. Таубе М. А. «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900-1917). М.: «Памятники исторической мысли», «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007.
13. Фейгина Л. Бьоркское соглашение. М., 1928 (приложен текст договора).
14. Хлезов А. А. «Точка невозврата» или дипломатический курьёз? Бьёркский договор в современной историографии // Первая мировая война и проблемы российского общества. СПб., 2015.
15. Хлезов А. А. Бьёркский договор 1905 года // Россия – Финляндия: на перекрестках истории. Конференция, посвященная 90-летию церкви в Койвисто – Приморске. Приморск, 1995.

16. Шаццлло В. К. Первая мировая война: 1914-1918: факты, документы. М.: Олма-Пресс. СС. 11-15.
17. Широкоpaд А.Б. Россия-Англия: неизвестная война 1857-1907 гг. М.: АСТ, 2003., СС. 472-484.
18. Die Grosse Politik der europäischen Kabinette. 1871-1914. Bd 19. Hf. 2. Berlin. 1925. S. 435- 528.
19. Reinach, J. P. Le traité de Bejoerkoe (1905). Un essai d'alliance de l'Allemagne, la Russie et la France. Paris, 1935. V. VIII.